



тят. Вышел под Новый год пройтись по снежку – все в крик, в слезы. Думают, я призрак... Скоро дождь. Пройдет дождь, кончатся пожары, успокоится чудовище. Ступайте домой. Наутро будете думать, что я вам от ночной жары померещился.

Марина уходит по откосу. Князь остается один, кутается в долгополую шинель, смотрит с террасы вокруг. Совсем низко над его головой пролетают ласточки.

Князь провожает их взглядом. – Знают ли птицы, что сейчас гражданская война? – спрашивает князь. – Лошади, конечно же, догадываются.

Едва Марина успевает добежать до двора московского художника, и, больно стукнувшись плечом о косяк, войти в баньку, начинается сильнейший ливень, и льет несколько дней кряду.

Дороги размывает. Жители В. Двориков прячутся по домам, хлопчут по хозяйству, читают старые журналы, играют в настольные игры, тихо квасят, слушают радиопостановки.

Однажды ночью дождь прекращается, и к утру поют птицы, сияет на солнце мокрый лес.

Жители выбирают на свет белый, здороваются и разговаривают – кто что делал во время дождей, у кого что стряслось.

Жизнь налаживается.

Литературовед Марина Дербарендикер собирается уезжать в Москву и на прощанье, перед отъездом, идет прогуляться в лес.

8. Утро Ковбойца

(Марина, Ковбоек, Председатель, Кондукторша, односельчане)

В деревне В. Дворики – чудесный лес с чистой травой, из травы то и дело торчат крепкие разноцветные грибы, в лесу живут ежики, белки и всякая милая лесная мелкота, растут колокольчики на опушках.

Литературовед Марина Дербарендикер гуляет по лесу в светлом платье. Марина дышит вкусным воздухом, разглядывает сквозь очки молодых лягушат, слышит радостное мычание коров поодаль. Ей хорошо.

Как вдруг невесть откуда появляется перед Мариной человек – парень в пиджаке на голое тело, в кирзачах и панаме, веселый и молодой.

Парень и Марина смотрят друг на друга. – Напугалась? – радуется парень. – Это еще что! А то вдруг из самой чащобы, из бурелома – полковник с портфелем как выскочит! В парадной форме, чин по чину. Места у нас здесь такие. Сказочные места.

– Вы кто? – оторопела Марина. – Ковбоек местный, Валера Ладушкин. Могу по-мужичьи, могу по-бабьи.

Марина молча таращится на него. А он спрашивает: – Показать?

И поет песню низким мужским голосом, потом высоким женским. Смотрит на обомлевшего литературоведа, смеется, срывает травинку, хитро складывает в ладонях, дует, травинка пищит. Играет на травинке, ходит вокруг литературоведа, перестает играть, смеется.

– Ковбоек, – спрашивает Марина. – А у вас там за голенищем – что?

– А ты глазастая, – веселится Ковбоек и вытаскивает из-за голенища средней величины нож. – Дудочки из орешины детям режу. Всем режу, кто попросит. Хочешь, и тебе вырежу?

Литературовед и Ковбоек садятся на мшистое бревно.

– Одна тут говорит: вырежь мне, Ковбоек, дудочку, я тебе за это Корсику покажу. Вырезал.

– Показала?

– А то! – улыбается Ковбоек. – Со мной не забалуешь. У нее вот здесь (на живот показывает) Корсика. Пятно родимое. По очертаниям – точно, Корсика. Остров. Я по глобусу сверял. Корсика.

Меня не обманешь. Ну на, держи.

Марина радостно дует в дудочку.

– Не слышно там, в космос никого запускать не собираются?

Марина пожимает плечами.

– Перебои теперь с этим делом, – грустит Ковбоек. – Три года назад полетели какие-то, на меня накатило. Куплеты сочинил.

Ковбоек чуть откашливается и читает:

*Покинув неприметный отчий край,
Два храбреца отважных полетели.
А в черноте Вселенной дует ветер...
И, за руки держась,
Прильнув друг к дружке,
Чуть не плача,
Летят они неведомо куда.
Но ангелы их ждут.
Столы накрыты.
А значит – долетят,
И выполнят наказ –
Расскажут Богу правду.*

– Хорошие какие стихи, – словно удивляясь, говорит Марина. – От души потому что. От чистого сердца. Правда, хорошие.

– Да что там, ни складу, ни ладу, – стесняется Ковбоек. – Но я рифмовать тоже могу. Я в районной печати печатался. И у нас в деревне, если помер кто, или, наоборот, женился, всегда меня просят, чтобы на памятнике, или вот на банкете.

– Почитай еще, Ковбоек, – просит Марина.

– Да у меня тетрадка с собой. Всегда ношу, если вдруг что записать.



Марина листает тетрадку и начинает волноваться.

– Очень интересно, – говорит она. – Как хорошо! Нет, просто замечательно. Слушай, Ковбоек... Ты... Вы... Вы талантливый человек, Валера. Вот это и есть настоящий народ! – то ли самой себе, то ли еще кому-то радостно объясняет Марина. – Наш народ – народ-поэт, народ-сказочник! Валера, я про вас в Москве расскажу. Вам надо развиваться, учиться. Что вы сейчас читаете?

– Да у нас в клубе козы, – машет рукой Ковбоек.

– Какие козы?

– Козы последнюю книгу зажевали.

Марина смотрит на часы.

– Какая жалость, что я сейчас уезжаю. Послушайте, Валера. Завтра же поезжайте в районную газету, возьмите рекомендательное письмо, справки о публикациях и скорее в Москву. Еще не поздно подать работы на творческий конкурс. Вот мой телефон, я вас позвоню. Настоящий самородок, алмаз, а ходит при стаде... Только обязательно! Я вас жду!

Прихватив ореховую дудочку, литературовед Марина убегает.

Ковбоек просыпается на рассвете от волнения и радости. Одевается почище и понаряднее, заворачивает тетрадку в пакет с лицом симпатичной девушки и выходит в светлое теплое утро.

В В. Дворики уже все проснулись, все живет, хлопочет и шебуришится. Ковбоек охотно объясняет встречным, что едет в райцентр, а там и в самую Москву, чтобы стать поэтом. Земляки благословляют его и дают ему на дорогу кто что мо-

жет – вареные картохи, яйца вкрутую, пупырчатые крепкие огурцы и зеленый лук, телефонные и банковские карты.

Вот бежит Юля-скотница.

– Ты чего, Ковбоек, нарядный такой?

– В Москву еду, на поэта учиться.

– С Богом, Ковбоек, – по-сестрински говорит Юля. – Прославишься, не забывай нас.

– Я для тебя песню по радио закажу, – обещает он.

Вон торопится колдунья тетя Катя Шаурина.

– Куда собрался, Ковбоек?

– В Москву, поэтом становиться. Говорят, талант у меня.

– Хоть покажись, потом-то. Мы тебя вспоминать будем, – по-матерински улыбается тетя Катя.

А вон председатель сельсовета Егор Игоревич. Молодой человек, а все его по-отчеству называют, с утра пораньше по жаре в галстук расстегивает.

– Куда путь держишь, Ковбоек?

– В Москву уезжаю, на поэта учиться. Специалисты у меня талант обнаружили, прямо смех. В Москву еду, Егор Игоревич.

И протягивает председателю тетрадку со стихами.

Председатель долго листает тетрадку, серьезно шевеля губами, и возвращает Ковбойцу.

– Горе ты мое луковое, – устало и потечески говорит председатель. – Чтобы

через пять минут при стаде был, мутило.

Председатель уходит, а Ковбоек остается стоять с тетрадкой в руке, остолбенев и поникнув. Точно очнувшись или спохватившись, пускается вдогонку, обгоняет Председателя, и, взглянув в его спокойное пригожее лицо, наносит ему двадцать шесть ножевых ранений.

Устав кромсать бездыханное тело ножиком для дудочек, Ковбоек оглядывает тетрадку – не замарал ли? Не замарал. Вытерев руки и ножик о траву, Ковбоек спешит к шоссе, на автобус, боясь опоздать в редакцию или в самую Москву.

– Что, парень, в крови-то весь? – спрашивает Кондукторша, плечистая тетя с густыми усами над алой губой. – Натворил чего?

– Председателя порезал, – объясняет Ковбоек.

По шершавой дороге в хлипком безбашащем автобусе едет Ковбоек.

И радуясь быстрой езде и пахнущему травой ветру, во весь свой странный – то ломкий, то низкий голос, поет лихую песню.

В Москве его ждет Марина Дербарендикер.

9. Радио России

Марина в редакции украшает полевыми цветами свой пыльный уголок и слушает радио.

Радио: Тревожными выдались выходные в поселке Ве... Ва... Во... простите, в поселке Дворики Вышегорского района Ростиславской области. Местный пастух совершил бандитское нападение на председателя сельсовета. От полученных но-

жевых ранений несчастный скончался на месте. Хулиганствующие элементы, алко-голики, безработные, колдуны, составляющие большинство жителей поселка, расценили убийство представителя власти, как сигнал к массовым беспорядкам. Прибывших на место происшествия сотрудников милиции жители поселка встретили стрельбой из обрезов и пулеметов, забросали гранатами. Хозяйству поселка нанесен значительный ущерб – разгромлены сельсовет, клуб, почта, санчасть, магазин, пивная, разбросаны в неизвестном направлении скот. Силами омона и мчс беспорядки купированы, бесчинствующие элементы веролетами отправлены в областную психиатрическую больницу. Но наиболее примечательным, считает наш корреспондент, является то, что грузовики омона, первыми вошедшие в мятежную деревню, были буквально смяты, а на уцелевших частях машин обнаружены следы когтей, копыт и клыков неизвестного животного гигантских размеров. Работает следствие. А теперь послушайте музыку.

Марина долго дует в дудочку.

10. Начало

(Юра Лифшиц и Кузнецова внучка)

В деревне В. Дворики – полный разгром. Ветер поет. На стуле посреди разорения молча и прямо сидит девушка, приехавшая со срубом – Кузнецова внучка. На голове ее платочек, в руках – узелок.

Невесть откуда выбирается живой и невредимый Юра Лившиц. Отряхивается. Потягивается. Глядит по сторонам.

– А где раскрепощенное крестьянство? Что это они тут затеяли? Эй, вы где? Куда подевались? Опять учудили чего-то, сельчане...

Юра Лифшиц видит девушку и радуется. – Девушка... Девушка, а вы учитесь или работаете?

Ходит вокруг и разглядывает ее.

– С кольцом обручальным. Жена чья-то, значит. Чья жена, ребята? Кто жену потерял? Тебя как зовут-то? Молчит чего-то. Оно и хорошо, что молчит.

Юра подходит поближе и, воровато оглянувшись (не накостыляли бы, что вьешься вокруг чужой жены), прикасается к ее волосам.

Девушка поднимает голову, молча смотрит на него.

Обрадовавшись, что их никто не видит, Юра наклоняется, вдыхая воздух вокруг девушкиных волос.

– Пахнет чем-то. Чистым, вкусным. Девушка, а, девушка, пойдемте лучше в райцентр, в парк Дзержинского, на каруселях кататься? Или в Москву, на ВДНХ, есть плов по-Самаркандски. Угощаю. А то знаете, на метро Бауманская, в галерейке, один бедняк за деньги на гитаре очень клево играет. Пошли послушаем, приглашаю. Молчит. Пошли со мной, хорошо будет. Я копать могу, пилить. А если приспиит, задачу Изинга решу. О взаимодействии трех тел. Пошли со мной – в райцентр, в Москву, в Америку. И не говори, как тебя зовут, не надо. Я тебя сам назову. Клаовой. Клавдея – хорошо. Пелагея, Праскева, Фотинья. А ты меня как-нибудь назовешь. Платоном или Панфилом. Правда, стану Панфилом, давно пора. Панфилом быть хорошо, а то что – тридцать лет, все Юрка да Юрка.

Девушка доверчиво смотрит на него.

– Ну, пойдем?

Девушка встает, и они глядят друг на друга.

Издали слышится вздох или гул – то ли чудовище в болотах грустит, то ли на ореховой дудочке кто-то играет.

Полностью пьеса будет опубликована в ближайшем номере журнала «Драматург».

Фото В. Луповского